

Посвящается моим родителям

Глава 1

ОДИЛЬ

Париж, февраль 1939 года

Числа плывут в моей голове, как звезды. 823. Числа были ключом к новой жизни. 822. Созвездиями надежды. 841. В моей спальне поздно ночью, утром, по дороге за круассанами, серия за серией: 810, 840, 890 — они возникали перед моими глазами. Они олицетворяли свободу, будущее. А вместе с числами я изучала историю библиотек, начиная с 1500-х годов. Пока в Англии Генрих VIII был занят тем, что рубил головы своим женам, наш король Франциск I модернизировал свою библиотеку, которую открыл затем для ученых. Его королевская коллекция стала началом Национальной библиотеки. Теперь, сидя за письменным столом в своей спальне, я готовилась к рабочему собеседованию в Американской библиотеке, в последний раз просматривая свои заметки: основана в 1920 году, первой в Париже допустила читателей в хранилища, получает издания более чем из тридцати стран, четверть всего — из Франции. Я крепко держала в памяти эти факты и числа, надеясь, что они помогут мне выглядеть перед директрисой вполне квалифицированной.

Я вышла из нашей квартиры на закопченной рю де Ром, напротив вокзала Сен-Лазар, где локомотивы кашляли дымом. Ветер трепал мои волосы, и я заправила их под шерстяной берет. Вдали я видела эбонитовый купол церкви Святого Августина. Религиозные учения, 200. Ветхий Завет, 221. А Новый Завет? Я по-

дождала, но число не появилось. Из-за волнения я забывала простые факты. Достала из сумки блокнот. Ах да, 225. Я же это знала!

Моей любимой темой при изучении библиотечного дела была десятичная классификация Дьюи. Ее придумал в 1873 году американский библиотекарь Мелвил Дьюи. В этой классификации использовались десять классов для организации библиотечных книг на полках в соответствии с темами и имелись номера для всего, что позволяло любому читателю найти любую книгу в любой библиотеке. Например, маман гордилась своими знаниями в числе 648 (домашнее хозяйство). Папа́ это не интересовало, но он искренне наслаждался числом 785 (камерная музыка). Мой брат-близнец склонялся к числу 636.8, а я предпочитала 636.7 (кошки и собаки соответственно).

Я дошла до Больших Бульваров, где посреди кварталов город сбрасывал с плеч рабочую одежду и надевал норковую шубку. Тяжелый запах угля рассеялся, сменившись сладким жасминовым ароматом, исходившим от женщин, которые восхищались витринами с платьями от Нины Риччи и зелеными кожаными перчатками от «Кислав». Потом я обогнула музыкантов, толпившихся вокруг магазина, где распродавали помятые листы нот, миновала здание в стиле барокко, с синей дверью, и повернула за угол, на узкую боковую улочку. Дорогу я знала наизусть.

Я любила Париж, город со множеством тайн. Подобно книжным переплетам, то кожаными, то коленкорным, каждая парижская дверь вела в непредсказуемый мир. Во внутренних двориках могли обнаружиться велосипеды или пухлая консьержка, вооруженная метлой. В случае библиотеки массивная деревянная дверь открывалась в потайной садик. Посыпанная бе-

лым гравием дорожка, окаймленная петуниями с одной стороны и лужайкой с другой, вела к особняку из камня и кирпича. Я перешагнула порог под французским и американским флагами, развевавшимися бок о бок, и повесила жакет на старую настенную вешалку. Вдыхая лучший в мире запах — смесь ароматов слегка заплесневелых старых книг и свежих хрустящих газетных листов, — я почувствовала себя так, словно пришла домой.

Поскольку до времени встречи оставалось еще несколько минут, я обогнула абонементный стол, за которым неизменно добродушная библиотекарь выслушивала читателей. «Где вообще в Париже парень может найти хороший бифштекс?» — спрашивал новичок в ковбойских сапогах. «Почему это я должна платить штраф, если даже не дочитала книгу?» — сварливо интересовалась мадам Симон. И наконец я вошла в тихий и уютный читальный зал.

За столом у французского окна профессор Коэн читала газету, из скрученных узлом волос беспечно торчало павлинье перо, а мистер Прайс-Джонс, попыхивая трубкой, задумался над «Таймс». В обычном случае я бы поздоровалась, но, нервничая из-за собеседования, предпочла спрятаться среди полок в любимой секции. Мне нравилось находиться в окружении разных историй, отчасти древних, как само время, отчасти изданных лишь в прошлом месяце.

Я подумала, что могла бы поискать роман для моего брата. В последнее время я все чаще и чаще в любой час ночи могла проснуться оттого, что он щелкает по клавишам пишущей машинки. Если Реми не писал статьи о том, как Франция должна помогать беженцам, изгнанным из Испании гражданской войной, он писал о том, что Гитлер намерен захватить всю Евро-

пу так же, как захватил часть Чехословакии. Единственным, что могло заставить Реми забыть о его тревогах — тревогах за других, — была хорошая книга.

Я провела пальцами по корешкам. Доставая книги одну за другой, я стала открывать их наугад. Я никогда не судила о книге по ее началу. Это ощущалось бы как первое и последнее свидание, которое однажды мне выпало, — мы оба улыбались уж слишком весело. Нет, я открывала книгу на середине, где автор уже не старался произвести на меня впечатление. «Есть в жизни тьма, а есть и свет, — прочла я. — И ты — это свет, свет всего света». Oui. Merci, мистер Стокер. Это я и сказала бы Реми, если бы могла.

Теперь я опаздывала. Поспешно вернувшись к абонементному столу, я подписала карточку и сунула «Дракулу» в сумку. Директриса уже ждала меня. Как всегда, ее каштановые волосы были уложены в узел, в руке она держала серебряную ручку.

Мисс Ридер знали все. Она писала статьи для газет и выступала на радио, приглашая всех в библиотеку — студентов, учителей, солдат, иностранцев и французов. Она была твердо убеждена, что здесь найдется местечко для каждого.

— Я Одиль Суше. Простите, что опоздала. Я пришла немного раньше, но потом открыла книгу...

— Чтение — опасное занятие, — с понимающей улыбкой откликнулась мисс Ридер. — Пойдемте в мой кабинет.

Я последовала за ней через читальный зал, где хорошо одетые читатели опустили свои газеты, чтобы взглянуть на прославленную директрису. Потом мы поднялись по винтовой лестнице, прошли по коридору через священное крыло «Только для персонала» к ее кабинету, где пахло кофе. На одной из стен висела большая фотография города, сделанная с воздуха. На

ней кварталы выглядели как шахматная доска, совершенно не напоминая извилистые парижские улочки.

Заметив мой интерес, директриса сказала:

— Это Вашингтон, округ Колумбия. Мне пришлось работать в Библиотеке Конгресса.

Она жестом предложила мне сесть, а сама села за свой стол, заваленный бумагами. Одни из них пытались выскользнуть из-под подноса, другие удерживал на месте дырокол. На углу стоял блестящий черный телефон. Рядом с мисс Ридер на стуле громоздились книги. Я заметила среди них романы Исаак Динесен и Эдит Уортон. Из каждой книги выглядывала закладка — довольно яркая лента, — приглашая директрису вернуться к чтению.

Каким читателем была мисс Ридер? В отличие от меня она бы, пожалуй, никогда не оставила книгу открытой из-за отсутствия закладки. И не позволила бы книгам скапливаться под ее кроватью. Она могла бы читать четыре или пять одновременно. В ее сумке наверняка лежит какая-нибудь книга, чтобы читать ее в автобусе, катящем через город, — из тех, которые она считает лучшими друзьями и спрашивает у них совета. И еще из тех, о которых никто и не слышал, — это ее тайное наслаждение в дождливый воскресный день...

— Кто ваш любимый автор? — спросила мисс Ридер.

Кто ваш любимый автор? На такой вопрос невозможно ответить. Разве может человек выбрать кого-то одного? Вообще-то, мы с моей тетушкой Каро разработали категории: авторы умершие и здравствующие, затем иностранные, французские и так далее, — чтобы избежать необходимости выбора. Я подумала о тех книгах в читальном зале, к которым прикасалась несколько мгновений назад, о книгах, которые коснулись

меня. Я восхищалась образом мысли Ральфа Уолдо Эмерсона: «Я не одинок, пока читаю и пишу, хотя никого нет рядом со мной», а еще Джейн Остин. Хотя эта писательница принадлежала к XIX веку, для многих современных женщин все было так же: их будущее определяли те, за кого они выходили замуж. Три месяца назад, когда я сообщила своим родителям, что мне не нужен муж, папá лишь фыркнул и тут же начал каждое воскресенье приглашать к обеду кого-нибудь из своих подчиненных. Он словно подавал его на большом блюде, как маман подавала жареную индейку, посыпанную петрушкой: «Марк не пропустил ни одного рабочего дня, даже когда болел гриппом!» Или...

— Вы вообще ведь читаете?

Папá всегда считал, что у меня язык работает быстрее ума. И я, чувствуя досаду, наконец ответила на первый вопрос мисс Ридер:

— Из ныне покойных авторов мой любимый — Достоевский, потому что мне нравится его Раскольников. Он не единственный, кто хотел бы стукнуть кого-нибудь по башке.

Последовало молчание.

Ну почему я не ответила нормально — не назвала, например, Зору Нил Херстен, мою любимицу среди современных авторов?

— Было честью для меня познакомиться с вами...

Я направилась к двери, понимая, что собеседование закончено.

Когда мои пальцы уже коснулись фарфоровой ручки двери, я услышала голос мисс Ридер:

— «...отдайтесь жизни прямо, не рассуждая; не беспокойтесь — прямо на берег вынесет и на ноги поставит».

Мои любимые строки из «Преступления и наказания». 891.73. Я обернулась.

— Большинство кандидатов говорят, что их любимый автор — Шекспир, — сказала мисс Ридер.

Единственный автор, у которого есть собственный номер в классификации Дьюи.

— Некоторые упоминают «Джейн Эйр».

Это и было бы нормальным откликом. Почему я не назвала Шарлотту Бронте или любую из Бронте, если уж на то пошло?

— Мне тоже нравится Джейн. Сестры Бронте делят один номер — 823.8.

— Но ваш ответ мне понравился.

— Вот как?

— Вы сказали то, что чувствовали, а не то, что, как вы могли подумать, мне хотелось услышать.

Это было правдой.

— Не бойтесь отличаться от других. — Мисс Ридер наклонилась вперед; ее взгляд, умный, уверенный, встретился с моим. — Почему вы хотите работать здесь?

Я не могла назвать ей настоящую причину. Это прозвучало бы ужасно.

— Я выучила десятичную систему Дьюи и окончила библиотечную школу.

Мисс Ридер посмотрела на вкладыш к моему диплому:

— У вас впечатляющие оценки. Но вы не ответили на мой вопрос.

— Я читательница этой библиотеки. Люблю английский язык...

— Это я и так вижу, — произнесла она, и в ее тоне прозвучал оттенок разочарования. — Спасибо, что не пожалели времени. Мы сообщим вам о решении через несколько недель.

Уже выйдя во двор, я огорченно вздохнула. Наверное, следовало признаться, почему я хочу получить эту работу.

— Что случилось, Одиль? — спросила профессор Коэн.

Я обожала ее лекции по английской литературе, она читала их в Американской библиотеке, их слушали стоя. Постоянно с пурпурной шалью на плечах, профессор делала доступными самые обескураживающие книги, вроде «Беовульфа», ее лекции были живыми, приправленными лукавым юмором. Коэн сопровождал шлейф скандалов, вместе с сиреновой ноткой ее духов. Говорили, что мадам профессор родом из Милана. Что она была прима-балериной, бросившей и звездную карьеру, и скучного мужа, чтобы сбежать с любовником в Бразавиль, в Конго. Когда же Коэн одна вернулась в Париж, то начала учиться в Сорбонне, где, как Симона де Бовуар, сдала l'agrégation, невероятно трудный государственный экзамен, чтобы получить право преподавать в высшей школе.

— Одиль?..

— Я выглядела душой на собеседовании по приему на работу.

— Такая умная молодая женщина, как вы? А вы сказали мисс Ридер, что не пропустили ни одной моей лекции? Вот бы все мои студенты были такими же преданными!

— Мне не пришло в голову упомянуть об этом.

— Как и обо всем, что вы хотите ей рассказать в благодарственной записке.

— Она меня не возьмет.

— Жизнь — это схватка. Вы должны сражаться за то, чего желаете.

— Я не уверена...

— А я уверена, — возразила профессор Коэн. — Подумайте о тех старомодных мужчинах в Сорбонне, которые точно так же нанимали меня. Я чертовски потрудилась, чтобы убедить их: женщина способна читать университетские курсы лекций!

Я посмотрела на нее. Прежде я замечала только пурпурную шаль профессора. А теперь увидела ее стальные глаза.

— Быть настойчивой совсем неплохо, — продолжила Коэн. — Хотя мой отец жаловался на то, что я всегда оставляю за собой последнее слово.

— Мой тоже... Он называет меня неумолимой.

— Так используйте это свое качество.

Она была права. Героини моих любимых книг никогда не сдавались. Профессор Коэн считала, что я должна выразить свои мысли в письме. Конечно, написать все гораздо легче, чем высказать лицом к лицу. Я могу зачеркивать написанное и начинать сначала хоть сотню раз, если понадобится.

— Вы правы... — ответила я.

— Конечно я права! Я сообщу директрисе, что вы всегда задаете на моих лекциях самые интересные вопросы, а вы не сомневайтесь, что все получится.

И, резко развернувшись, отчего ее шаль взлетела в воздух, профессор быстрым шагом вернулась в библиотеку.

Как бы плохо я себя ни чувствовала, кто-нибудь в Американской библиотеке всегда умудрялся помочь мне и исправить мои ошибки. Эта библиотека была не просто стенами и книгами, ее основой были заботливые люди. Я могла проводить время и в других библиотеках, с их жесткими деревянными стульями и их вежливыми «Bonjour, мадемуазель. Au revoir, мадемуазель». Ничего плохого не было в этих bibliothèques, им просто не хватало духа товарищества. Но Американскую библиотеку я ощущала как свой дом.

— Одиль! Подождите!

Это был мистер Прайс-Джонс, отставной английский дипломат, в своем вечном шотландском галстук-бабочке, за ним следовала составитель каталога мис-

сис Тернбулл, с неровной голубовато-серой челкой. Должно быть, профессор Коэн сообщила им о моем унынии.

— Ничего не потеряно. — Мистер Прайс-Джонс неловко похлопал меня по спине. — Вы победите директрису. Просто составьте список ваших доводов, как сделал бы любой дипломат, и приправьте все как следует.

— Да бросьте вы нянчиться с девочкой! — воскликнула миссис Тернбулл. — В моем родном Виннипеге мы привыкли к напастям. Это нас закаляет. Зимой, когда температура падает ниже сорока градусов, вы бы не услышали, что мы жалуемся, в отличие от американцев... — Вспомнив причину, по которой она вышла во двор, то есть возможность кого-то поучить, миссис Тернбулл помахала перед моим лицом костлявым пальцем. — Встряхнитесь и не принимайте отказа!

Улыбнувшись, я осознала, что дом — это такое место, где не существует тайн. Но я улыбалась. Это уже было кое-что.

Вернувшись к себе и уже не волнуясь, я написала:

Дорогая мисс Ридер!

Спасибо, что поговорили со мной о работе. Я волновалась перед собеседованием. Ваша библиотека значит для меня больше, чем любое другое место в Париже. Когда я была маленькой, моя тетя Каролина водила меня на Час чтения. Именно благодаря ей я выучила английский и полюбила Американскую библиотеку. И хотя моей тетушки уже нет, я продолжаю находить ее в Американской библиотеке. Я открываю книги и заглядываю в кармашки на внутренней стороне переплета, надеясь увидеть ее имя на карточке. Когда

я читаю те же романы, что читала она, у меня возникает чувство, что мы по-прежнему близки.

Американская библиотека — мой рай. Я всегда захожу уголок среди стеллажей, где могу остаться одна, читать и мечтать. Мне хочется знать, что у любого есть такой же шанс, а в особенности у людей, чувствующих себя не такими, как все, и нуждающихся в месте, которое могут назвать домом.

Я написала внизу свое имя, завершив таким образом собеседование.

Глава 2

ЛИЛИ

Фройд, Монтана, 1983 год

Ее звали миссис Густафсон, и она жила по соседству. За глаза местные называли ее Военной Невестой, но мне она не казалась похожей на невесту. Прежде всего, она никогда не носила белого. И она была старой. Старше моих родителей. Все знают, что у невесты должен быть жених, но ее муж давно умер. И хотя миссис Густафсон свободно говорила на двух языках, она ни с кем не разговаривала. Она жила здесь с 1945 года, но на нее всегда смотрели как на женщину, приехавшую невесть откуда.

Она была единственной военной невестой во Фройте, точно так же как доктор Станчфилд был единственным врачом. Иногда я тайком заглядывала в ее гостиную, где даже столы и стулья были иностранными — изящные, как мебель в кукольном домике, с изогнутыми ореховыми ножками. Я совала нос в ее почтовый ящик, куда бросали письма издалека, из Чикаго, — все они были адресованы мадам Одиль Густафсон. В сравнении с известными мне именами, вроде Триши и Тиффани, «Одиль» звучало экзотично. Люди говорили, что она приехала из Франции. Желая разузнать о ней побольше, я изучила в энциклопедии все статьи о Париже. Я прочитала о серых горгульях на соборе Парижской Богоматери и о Триумфальной арке Наполеона. Но ничто из прочитанного не могло

дать ответа на мой вопрос: что именно делало миссис Густафсон такой непохожей на всех?

Она была совсем не такой, как другие леди во Фройде. Они были пухленькими, как птички крапивники, в серых растянувшихся свитерах и скучных туфлях. Некоторые леди отправлялись в бакалейную лавку с бигуди на голове, но миссис Густафсон даже мусор выносила одетая по-воскресному — в плиссированную юбку и туфли на высоком каблуке. Ее талию подчеркивал красный пояс. Всегда. И она красила губы яркой помадой, даже идя в церковь. «Очень уж она высокого о себе мнения», — говорили другие леди, когда она шла к своей скамье впереди, а глаза ее при этом скрывала шляпка-колокол. Никто больше не носил шляпок. И большинство прихожан предпочитали занимать задние скамьи, не желая привлекать к себе внимание Господа. Или священника.

В то утро Мелони Железный Воротник предложил нам помолиться за 269 пассажиров «Боинга-747», сбитого советскими ракетами К-8. Президент Рейган сообщил нам по телевизору о нападении на самолет, летевший с Аляски в Сеул. И под перезвон церковных колоколов в моих ушах звенели его слова: «Грех, потрясение, гнев... Советский Союз нарушает все законы о правах человека... нам не стоит удивляться такой нечеловеческой жестокости...» Он словно утверждал, что русские готовы убить любого, не исключая детей.

Даже здесь, в Монтане, холодная война заставляла нас содрогаться. Дядя Уолт, работавший на военной авиабазе в Малмстроме, говорил, что на наших равнинах усажены, как картошка, больше тысячи межконтинентальных баллистических ракет. Прячась под круглыми цементными сводами, ядерные боеголовки терпеливо ждали своего часа. Дядя хвастал, что эти ракеты куда мощнее тех бомб, что уничтожили Хиро-

симу и Нагасаки. Он говорил, что ракеты такого типа сами находят вражеские ракеты, так что советские бомбы обойдут Вашингтон и устремятся к нам. А в ответ взлетят наши и ударят по Москве быстрее, чем я успею собраться в школу.

После мессы прихожане разбрелись по улице, чтобы выпить кофе, съесть пончик и посплетничать с приятелями. Мы с мамой тоже встали в очередь. У прилавка кофейни папа и другие мужчины собрались вокруг мистера Иверса, президента банка. Папа работал там шесть дней в неделю в надежде стать вице-президентом.

— Советы никому не позволят искать тела погибших. Чертовы выродки!

— Когда президентом был Кеннеди, расходы на оборону были на семьдесят процентов выше!

— Мы для них легкая добыча!

Я слушала не прислушиваясь. В бесконечных тревогах из-за холодной войны такие мрачные разговоры служили постоянным сопровождением воскресных дней. Быстро положив на свою тарелку пончики, я с запозданием сообразила, что мама тяжело дышит. Обычно, когда у нее случался приступ, она тут же находила причину: «На фермах собирают урожай, из-за пыли в воздухе астма обостряется», или: «Отец Мелони так размахивал своей кадиллиней, словно пытался продезинфицировать все вокруг». Но на этот раз она просто сжала мою руку, ничего не объясняя. Я быстро подвела ее к ближайшему столу и усадила рядом с миссис Густафсон. Мама тяжело опустилась на металлический стул и заставила меня сесть рядом.

Я попыталась привлечь внимание папы.

— Все в порядке. Не устраивай суету, — сказала мама, явно желая, чтобы я угомонилась.

— Это настоящая трагедия, то, что случилось с теми людьми в самолете! — заявила сидевшая за соседним столиком миссис Иверс.

— Вот поэтому я и сижу на месте, — заявила миссис Мердок. — Начнешь болтаться по миру — угодишь в неприятности.

— Да там ведь погибло множество невинных людей! — вмешалась я. — Президент Рейган сказал, даже какой-то конгрессмен летел в том самолете!

— Ну, одним нахлебником меньше. — Миссис Мердок впилась коричневыми зубами в пончик.

— Это отвратительно! Нельзя так говорить! — возмутилась я. — Люди имеют право летать на самолетах без всякого риска!

Миссис Густафсон посмотрела мне в глаза. И кивнула, словно мои мысли имели какое-то значение. Хотя я постоянно развлекалась, наблюдая за ней, она меня заметила впервые.

— С вашей стороны это смело — высказаться подобным образом, — произнесла она.

— Люди не должны быть такими злыми, — пожала я плечами.

— Более чем согласна, — кивнула миссис Густафсон.

Прежде чем я успела сказать что-то еще, мистер Иверс громко воскликнул:

— Холодная война продолжается уже почти сорок лет! Нам никогда в ней не выиграть!

Все вокруг принялись кивать в знак согласия.

— Они просто хладнокровные убийцы! — продолжил банкир.

— А вы когда-нибудь встречались с русскими? — спросила его миссис Густафсон. — Работали с кем-то из них? Нет? Ну а мне приходилось, и могу вас заверить: они ничем не отличаются от нас с вами.

В кафетерии воцарилась тишина. Где это она встречалась с врагами и как могла работать с кем-то из них?

Во Фроиде всем было всё обо всех известно. Мы знали, кто слишком много пьет и почему, знали, кто мухлюет с налогами и кто обманывает своих жен, а кто живет в грехе с одним мужчиной из Майнота... Единственной тайной оставалась миссис Густафсон. Никто не знал, кем были ее родители или чем ее отец зарабатывал на жизнь. Никто не представлял, когда и как она познакомилась с Баком Густафсоном и как сумела убедить его бросить прежнюю возлюбленную и жениться на ней. Вокруг миссис Густафсон клубились слухи, но они ее не задевали. В ее глазах часто светилась печаль — от потери или от сожалений? И как после жизни в Париже она умудрилась осесть в этом скучном месте?

Я была из тех учениц, которые сидят в первом ряду и всегда поднимают руку. Мэри Луиза, сидевшая рядом со мной, машинально рисовала что-то на парте. Сегодня мисс Хансон, стоя у доски, изо всех сил старалась заинтересовать наш седьмой класс «Айвенго». По другую сторону прохода Робби крутил в загорелых пальцах карандаш. Его волосы — каштановые, как и у меня, — были растрепаны. Он уже водил машину — помогал родным убирать зерно. Робби поднес карандаш ко рту, розовый ластик коснулся его нижней губы. Я могла бы вечно смотреть на уголок его рта.

Французский поцелуй. Французские тосты. Французская жареная рыба. Все хорошее было французским. Насколько я знала, французские зеленые бобы были вкуснее американских. А французские песни лучше, чем музыка кантри, постоянно звучавшая на единственной в нашем городке радиостанции. «Моя

жизнь сломалась, когда та жующая жвачку телка бросила меня ради бычка помоложе». Пожалуй, и о любви французы тоже знали больше.

Мне хотелось умчаться в аэропорт, чтобы улететь на какой-нибудь показ мод. Хотелось выступить на Бродвее, заглянуть за Железный занавес. Узнать, каковы на вкус французские слова. И только один человек из всех, живущих рядом, был знаком с миром за пределами Фройда, — миссис Густафсон.

Но хотя мы были соседями, она словно жила на расстоянии светового года от нас. Каждый Хеллоуин мама предупреждала:

— Над крыльцом Военной Невесты лампочка не горит. Это значит, что она не хочет, чтобы вы, ребята, стучали в ее дверь.

Когда мы с Мэри Луизой продавали печенье девочек-скаутов, мама Мэри Луизы говорила:

— Эта старуха живет скромно, так что не лезьте к ней!

Моя встреча с миссис Густафсон прибавила мне храбрости. Все, что мне было нужно, — это школьное задание, и тогда я смогла бы расспросить ее.

Как и ожидалось, мисс Хансон дала задание по «Айвенго». После урока я подошла к ее столу и спросила, могу ли я вместо этого написать сочинение о стране.

— Только на этот раз, — ответила мисс Хансон. — Я лично жду, когда можно будет прочитать твоё сочинение о Франции.

Я так задумалась о своем плане, что, когда пошла в туалетную комнату, забыла заглянуть под двери кабина и закрыть входную дверь. И конечно же, когда я закончила свои дела, у раковины уже крутились Тиффани Иверс и ее стайка. Тиффани взбивала перед зеркалом свои пшенично-золотые волосы.

— Смыв не работает, — заявила она. — Дерьмо всплывает.

Не слишком умное замечание, но когда я всмотрелась в свое отражение в зеркале, то увидела только тускло-коричневые, как дерьмо, волосы. Я стояла возле раковины, понимая, что, если начну сейчас мыть руки, Тиффани толкнет меня под кран и я намокну. А если я не стану их мыть, девчонки расскажут об этом всей школе. Они уже поступили так с Мэйси — и потом целый месяц никто не хотел сидеть рядом с «ручками в моче». А туалетный квартет ждал, сложив руки на груди.

Скрипнула дверь, и в туалет заглянула мисс Хансон:

— Ты снова здесь, Тиффани? Должно быть, у тебя серьезные проблемы с мочевым пузырем.

Девчонки быстро вышли, поглядывая на меня и словно говоря: «Это еще не конец».

Но я и сама это знала.

Мама, вечная оптимистка, постоянно твердила мне, что нужно во всем видеть светлую сторону. Ну, например: у старины Иверса лишь один отпрыск. И сегодня пятница.

Обычно по пятницам мои родители принимали гостей. Мама готовила ребрышки, Кэй приносила салат, а Сью Боб пекла перевернутый пирог с ананасами. Так что я проводила вечер у Мэри Луизы. Однако на этот раз я осталась в своей комнате и стала придумывать вопросы для миссис Густафсон. Пока взрослые ели, из столовой доносился смех. Когда же все затихло, это значило, что они, как лорды и леди в Англии, разделились. Женщины составили свою компанию, а мужчины устроились в креслах и говорили о том, чего нельзя сказать при женах.